

УДК 1(091)+165.9
ББК 87.3(2)63+87.25

Илизаров Симон Семенович

Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники, Россия, Москва, e-mail: sinsja@mail.ru

Куприянов Виктор Александрович

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Очерки по истории русской философии 50–60-х годов¹

Тимофей Иванович Райнов

Части четвертая и пятая*

Подготовка к публикации С.С. Илизарова и В.А. Куприянова

Iizarov Simon Semenovich

S.I.Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, Advanced PhD (History), Professor, Chief Research Scientist, Head of the Department of historiography and Source study of the history of science and technology, Russia, Moscow, e-mail: sinsja@mail.ru

Kupriyanov Victor Aleksandrovich

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, PhD (Philosophy), Research Scientist of the sector of social and cognitive problems of science, Russia, St. Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Sketches on the history of russian philosophy of the 50–60s.

Timofey Ivanovich Rainoff

Parts four and five

Prepared for publication by S.S. Iizarov and V.A. Kupriyanov

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.062-074

© Илизаров С.С., Куприянов В.А., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 62.

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00366 и проект № 20-011-00071).

* Части первая и вторая опубликованы в: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 59–68. Часть третья – Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 39–47.

4. Философствование «по поводу»

Мера человеческих сил вообще невелика, а если эти силы должны работать в нескольких различных направлениях, напряжение их в каждом из последних тем слабее, чем больше таких направлений и чем они различнее. При этом волей-неволей приходится выбирать и выработать в каждом направлении способы труда, соответствующие слабому напряжению деятельной энергии. Таких способов, конечно, много, и они разнообразятся смотря по направлению работы и ее обстановке. К их числу, без сомнения, принадлежит та форма труда, при которой работающий пристраивается к делу, уже начатому и ведущемуся, и, принимая его, как остов, вносит в него частичные дополнения и поправки, как раз в меру своих слабых сил. Такой тип деятельности составляет нормальный удел членов слабо дифференцированного общества. Разрываясь между несколькими общественно-трудовыми функциями, они естественно предпочитают работать не у фундамента, а по поводу и около здания, уже введенного. В целом всегда найдутся недостатки, доступные критике и нуждающиеся в исправлении. Кроме того, сторонний человек, неучастник в построении целого, не зная его плана – готов подчинять его своим точкам зрения и намерениям, часто отличным от плана и противоречащим ему. Тут для любителей деятельности «по поводу» открывается богатейшая возможность критиковать, чинить, портить и штопать ненравящиеся им детали целого.

Наши мыслители 50–60 гг. находились как раз в положении таких «любителей», вольных и невольных. Широта и разносторонность их занятий неизбежно обрекали их этой участи. В частности, и в философии им приходилось ограничиваться мышлением «по поводу» учений и теорий, уже давно существующих, пытаясь только их дополнить, исправить или разукрасить. Время от времени случалось, впрочем, напр., с славянофилами, что вдруг кто-нибудь вознамерится разрушить в один миг все философские храмы и в три дня воздвигнуть на их месте новый, но дальше намерений дело обыкновенно не шло и неизменно кончалось возвращением к философствованию «по поводу». Эта практика осложнялась тем обстоятельством, что «поводов» для такого философствования было много, и если не все, то некоторые из них казались нашим мыслителям равно привлекательными и, во всяком случае, стоящими внимания. История философии от Фалеса до Фейербаха представляла в их глазах не мало подобных случаев. Стремясь использовать все ценные мотивы предшествующей философии, мыслители 50–60 гг. должны были выработать в себе склонность к синтезированию различных ее направлений. Эта роль «наследника всех своих родных», подводящего итог достижениям прошлого, кружила головы некоторым из них, и они преисполнялись горделивой надежды и веры в

то, что русской философии, начиная именно с них, уготована мессианская задача примирения всех философских разногласий и обретения окончательной, все разрешающей истины.

Людей, мыслящих не по поводу, а прямо от себя, размышляющих не о философских книгах, а прямо о философских предметах – в философии 50–60-х годов почти нет. В этом отношении «отцы» и «дети» сходились вполне. Вот Новицкий, излагающий свои взгляды «по поводу» истории древних философских учений, о которых он писал четыре тома исторических, растворив в этих томах несколько десятков страниц своих систематических взглядов. Вот Гогоцкий, развивающий свои воззрения посредством критики философии Канта, а позже – в алфавитном порядке философского словаря, где «по поводу» существующих взглядов находят себе место и его собственные мысли. Вот Карпов, мировоззрение которого выросло на почве изучения, перевода и комментирования творений Платона, и Юркевич, метафизика которого изложена по поводу «разума по учению Платона и опыта по учению Канта» (заглавие одного из главных сочинений Юркевича, 1866 года), а психологические взгляды увидели свет «по поводу» же одной статьи Чернышевского, разбираемой Юркевичем. Таков и Киреевский, доказывающий «необходимость и возможность новых начал для философии» посредством изложения и критики предшествующей западноевропейской философии и культуры. Так же поступает Хомяков, развивающий свою метафизику по поводу посмертных отрывков Киреевского и посредством критики Канта и Гегеля, опять таки по поводу распространения в России материализма и опять с помощью его критики. А «новые философы» – философствующие «дети» 50–60-х годов? Очень верно заметил о них тогда же Антонович, один из «детей», что «различаясь от старых философов по содержанию философствования, новые совершенно сходны с ними по форме; процесс образования и развития их убеждений тот же, что и у старых философов. Большой самостоятельности у них тоже не видно; они не выработали собственных взглядов, а получили их готовыми, только не из бесконечных рук абсолюта, как старые, а из обыкновенных философских сочинений простых смертных людей; да и с полученным они не умели справиться и не усвоили его хорошенько. Отрицание абсолютного... было настоящей бедою для наших новых философов; не признавая абсолютного, а потом и никакого значения ни за одним из философских принципов, они не принимают ни одного из них, и не придерживаются ни одной философской системы, или, лучше сказать, придерживаются всех понемножку»². Эта характеристика проницательного современника нуждается только в двух оговорках. Во-первых, она распространяется не на одного Лавро-

² См.: Антонович М. А. Два типа современных философов // Современник. 1861. Т. LXXXVI. Отд. 2. С. 364–5.

ва, который, по словам Антоновича, будто бы «только и есть один новый философ», а на всех молодых представителей философии 50–60-х гг., в том числе и на самого Антоновича. Во-вторых, в части своей, содержащей оценку мышления новых философов по существу, а не по отношению к его психологии, она грешит слишком пессимистическим преувеличением. Имея же в виду только психологию мышления, нельзя не признать Антоновича вполне правым. Действительно, напр., Лавров, о котором только и говорит Антонович, мыслил обыкновенно «по поводу». Поводом был сперва «гегелизм», при изложении и критике которого Лавров высказывал и свои взгляды. Потом им сделались некоторые новейшие сочинения по антропологии, из объединения и критики которых произошла основная для философии Лаврова статья его «Что такое антропология». Таково же происхождение и большинства других философских сочинений этого писателя. Между прочим, одна книжка Лаврова послужила поводом для выхода в свет статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии», а о своей философской диссертации Чернышевский сам писал в позднейшем предисловии к ее 3-му изданию, что она представляет развитие взглядов Фейербаха в приложении к эстетике. Страхов тоже развивал философию Фейербаха, а несколько раньше – Гегеля, и многие свои взгляды вырабатывал и излагал в статьях и рецензиях «по поводу» новых сочинений философского содержания. Потебня высказывал свои осторожные философские идеи, исходя из воззрений Гегеля и Гумбольдта, за которыми он во многом следовал. Троицкий вырабатывал свои взгляды, излагая и критикуя немецких и английских психологов, Владиславлева-Плотина и материалистов. Антонович, Добролюбов и Писарев поступали всегда подобным же образом, пользуясь выходом в свет текущей литературы, чтобы по ее «поводу» высказать и свои мнения.

«Поводов» у каждого мыслителя было не мало, и это побуждало их соединять, синтезировать точки зрения, вытекавшие из нескольких «поводов». Иногда эта синтетическая работа происходила на виду, а иногда мы должны считаться уже с ее готовым результатом и от него – заключать об ее характере на пути к результату. Явный характер носит синтезирование, напр., у Лаврова, который старается, на манер Гегеля, но далеко не столь успешно, включить различные учения в свою систему, представляя их, как ступени диалектически развивающейся мысли. Таким образом он пытается примирить в своей статье «Что такое антропология» материализм, спиритуализм и критицизм. Так поступают: Страхов, сочетая в своем «Мире», как целом» материализм Фейербаха, идеализм Гегеля и критицизм Канта; Юркевич, объединяя Платона и Канта; славянофилы Киреевский и Хомяков, синтезируя Канта-Гегелевскую философию с православным богословием; Новицкий, связывая последнее с некоторыми идеалистическими веяниями послекантовской философии; Гогоцкий, объ-

единая критицизм Канта и идеализм Гегеля в окраске православной мысли; Троицкий, вырабатывая из взглядов различных английских эмпиристов одно целое. Менее очевиден, но очень вероятен синтетический путь мышления у других мыслителей 50–60-х годов. Например, Чернышевский, бывший в общем последователем Фейербаха, в молодости увлекался Гегелем, следы влияния которого сохранились в его статье «Антропологический принцип в философии», где, с другой стороны, видны и отражения грубого материализма в духе Бюхнера и Молешотта. Владиславлев, следовавший главным образом за Лотце, не был чужд и влияния Канта, главный труд которого и был переведен им на русский язык.

От синтетической манеры мышления – до идеи, что таким образом мы всего ближе подходим к истине, которую и суждено нам открыть раз и навсегда, – оставался только шаг, который и сделали некоторые мыслители 50–60-х годов. Такой философский мессианизм сочетался у них с мессианизмом националистическим. Пример – славянофилы.

Обсуждая достоинство новейших завоеваний философской мысли в Германии, Киреевский писал в заключении: «я думаю, что философия Немецкая, в совокупности с тем развитием, которое она получила в последней системе Шеллинга, может служить у нас самой удобной ступенью мышления от заимствованных систем к любомудрию самостоятельному, соответствующему основным началам древне-Русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума»³, в нем же вся истина. Эту веру разделял и Хомяков. Расположен был к ней и Новицкий, сочувственно цитировавший мессианское пророчество Киреевского⁴. Недалеко было то время, когда и Страхов проникся теми же надеждами, вдохновлявшими его в долголетней «борьбе с Западом». И даже такие люди, как Лавров (а позже – Михайловский) не были чужды романтике философского мессианизма. Как раз на исходе 60-х годов он указывал на то, что «основы новой проповеди», именно – «наука и жизнь в их философском единстве, личность и общественность в единстве свободного взаимодействия, истина естественная и справедливость общественная в единстве человеческого убеждения, история и идеал в единстве человеческой деятельности», – могут прививаться прежде всего в России, и «русские могут быть начинателями этого движения»⁵.

³ См.: Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в 2 т. Т. 1. 1911. С. 264.

⁴ См.: Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. I. Религия и философия древнего Востока. Киев: Университетская Типография, 1860. С. 1. С. 26 и примечание.

⁵ См.: Лавров П.Л. Философия истории славян. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. 1870. Т. СХСІ. № 7. Отд. 1. С. 125–6 (цитируется по брошюре: Витязев П. (Седенко Ф.И.)

Господствующая в 50–60-х годах манера философствования «по поводу» – с течением времени, с развитием нашей философии, мало по малу вытеснялась из всеобщего философского обихода, уступая место более самостоятельному мышлению, причувшемуся входить прямо **in medias res** – в существо дела. Это стало возможным, главным образом, вследствие вымирания в России типа «широких натур» в философии. Суженная в своих проявлениях, мысль могла сосредоточиваться с большею силою на вопросах философии. Более высокое напряжение, которого она достигала таким образом, научало наших мыслителей думать не о книгах по поводу предметов, а о самых предметах по поводу и без повода книг. Впрочем, и по сие время это умение далеко не стоит у нас на высоте. В этом, как и во многих других отношениях, мы еще проходим курс предварительного обучения.

5. Западные влияния

Чем разбросаннее проявления мысли, тем труднее быть самостоятельным в каждом из них. И тем больший соблазн представляют разные влияния, усвоение которых, полностью или частично, заменяет труд самостоятельного мышления. Без сомнения, «влияния» неизбежны и необходимы при всякой организации труда. Но в одних случаях они служат возбудителями мысли, в других же, напротив, содействуют ее малой производительности. Как раз такова роль влияний в обстановке слабо дифференцированного труда. Уже в силу разнообразия его проявлений, сосредоточенных в одном лице, каждое из них не может быть очень продуктивным. Тут-то и являются посторонние влияния, преобразующие процесс самостоятельного размышления в более легкий и доступный процесс заимствования. Доля самостоятельности, большая или меньшая, сохраняется у мысли и в этом случае. Но она, вообще, очень невелика.

Вследствие своей слабой общественно-трудовой дифференциации, наша философская среда 50–60-х годов являлась благодарнейшей почвой для восприятия сильных философских влияний. Преобладающая их часть была, конечно, западного происхождения, да и другая часть, складывавшаяся из античных, патриотических и восточно-философских влияний, доходила до нас в западном освещении и переработке.

Говоря о склонности мыслителей 50–60-х годов к философствованию «по поводу», мы уже отметили главные влияния, испытанные ими и послужившие поводами и отправными стадиями их собственного мышления. Теперь мы по-

---

П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский. Петроград: О-во распростр. лит. партии социалистов-революционеров, 1917. С. 16).

* * Вписано от руки – ред.

кажем, как, в каком роде и мере они воспринимали эти влияния, и как последние отражались на попытках самостоятельного творчества наших философов. Зная их социально-психологический облик и манеру труда, мы можем сказать наперед, что к западным философским влияниям они относились более или менее «рабски», и их собственное мышление, в лучшем случае, могло представлять только вариации западных философских мотивов. Это – проклятие «широты» их натур, возмездие за крайнюю разбросанность их деятельности.

По отношению к западным влияниям, мы можем разбить наших мыслителей 60-х годов на две группы, соответственно степеням меньшей и большей самостоятельности, проявленной ими в восприятии этих влияний. В одну войдут: Новицкий, Гогоцкий, Юркевич, Киреевский и Хомяков, Троицкий, Карпов, Лавров и некоторые другие, во вторую – Чернышевский, Страхов, Потемня, Сеченов, отчасти Владиславлев. Мы видим, что эта группировка не соответствует возрастной. В одной и той же группе (первой) находим и «отцов», и некоторых «детей». Но все же «дети», образующие вторую группу, притом без участия отцов, представляют элемент, наиболее самостоятельный по отношению к западным философским влияниям. В то время, как «отцы» и некоторые «дети» первой категории более или менее точно копируют западные подлинники, сохраняя самостоятельность относительно одних из них лишь при помощи других, наиболее даровитая часть молодого поколения, составляющая вторую группу, не ограничивается простым копированием соответствующих образцов, а пытается развивать их на пути более или менее самостоятельного творчества.

Один из старейших представителей старшего поколения, Новицкий, является и самым несамостоятельным из мыслителей 50–60-х годов. Правда, нелегко указать, какому образцу он следовал по преимуществу, а мы не видим оснований относить его к числу русских исследователей Фихте, как это делает Я.Н. Колубовский⁶. Вернее было бы сказать, что он добросовестно копировал немецких идеалистов и теистов первой половины XIX века, не держась никого в особенности и беря у всех понемногу, и все это пропуская сквозь контрольную призму Филаретовского катехизиса. Впрочем, он не всегда держался столь новых образцов. В его учебнике логики и психологии 40-х годов как бы воскрешена самая дряхлая логическая и психологическая схоластика, которая была бы способна утратить тени Гегеля, Шеллинга и Фихте и даже – Шлейермахера, Ульрица, Фихте-младшего, Вейссе и других теистов первой половины XIX века, вдохновлявших, все понемногу, позднейшую деятельность Новицкого. Примером его отношения к своим западным вдохновителям могла бы служить, например, следующая мысль: «Человеческая душа отличается от души

⁶ См.: Kolubowsky J. Die Philosophie in Russland // Zeitschrift f. Philosophie und philosophische Kritik. 1894. Band. 104. S. 225.

животной и растительной самим происхождением своим. Эти последние суть развитие земной природы, а человеческая душа или дух происхождения божественного»⁷. Так отразилась в ортодоксально-богословской мысли Новицкого идея Шеллинга об естественном развитии сознания из недр бессознательной природы! А вот как воспринял он Гегеля: «Сначала... противоположности мысли и бытия, знания и веры и пр. предстают пред наше сознание все вдруг, в общности ли своей, или в раздельности; затем по мере углубления в них, выступает их единство и согласие, но все в частных и отдельных пунктах, сменяющихся одни другими; наконец, все противоположности бытия и мысли должны сойтись перед философствующим сознанием к высшему их единству, к сознательному их примирению»⁸. Тут и феноменология духа Гегеля, и диалектический метод его логики, и соответствующая конструкция истории мысли в его лекциях по чистой философии. Все это использовано *ad majorem Dei gloriam* по образцу, введенному в религиозно-философский обиход гегельянствующими теистами первой половины XIX в.

В общем так же, хотя иногда самостоятельнее, относятся к западным влияниям и другие представители первой группы мыслителей 50–60-х годов. Так, Карпов следует за очень элементарно понятым Кантом, утверждая, что мышление есть деятельность априорная, присущая душе, как таковой, и управляет ею с помощью Локка, говоря, что мышление питается и из источника чувств: соединение того и другого является, в его глазах, синтезом идеализма и эмпиризма. Восприняв мысль Платона о том, что мы стремимся к познанию «одной, всеобъемлющей, все проникающей и нераздельной истины» идеально-го порядка, Карпов соединяет ее с мыслью Канта о том, что эта истина является для нас «идеями», к которой наше мышление должно восходить в бесконечном прогрессе. Но тут же заметно и влияние Гегеля, – в утверждении, что бесконечность этого рода и есть бурная бесконечность, несоизмеримая с «вечной гармонией вселенной». И все увенчивается платоновско-теистическим мотивом: «Человеческое мышление... никогда не делается формой бесформенных мыслей Божиих, ... хотя, возбуждаемое самою же истиною, всегда будет стремиться к ней и в многообразных сочетаниях знаний угадывать отражение неисследимой Божьей премудрости»⁹. Гогоцкий, оставаясь верным тому же «мотиву», берет у Канта идею о критике разума, его учение о различии рассудка и

---

⁷ См.: Новицкий О.М. Краткое руководство к логике с предварительным очерком психологии. Киев: Университетская Типография, 1844. С. 4.

⁸ См.: Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. I. Религия и философия древнего Востока. Киев: Университетская Типография, 1860. С. 1. С. 38.

⁹ См.: Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. СПб.: Типография Якова Трея, 1856. С. 73–74, 79–80.

разума, теорию «идей» и понятие об автономности нравственного сознания, и все это дополняет мыслью Фихте о действительности свободно-нравственного миропорядка, который он рисует себе затем, по Гегелю¹⁰, как разумно-целесообразную организацию явлений, «проникнутых разумом», и «разума, выраженного «в самих предметах, в стройном возвышении их от низшей ступени жизни до самой высшей...»¹¹. Критикуя учение Канта об опыте в свете Платонова учения о разуме, и Юркевич приходит к их синтезу – такого рода: «Учение Канта об опыте... есть открытие и блестящее развитие одной безусловной метафизической истины, именно, что разум, перерабатывающий данные чувственности по своим идеям, может признавать и познавать только явления вещей. Но когда – таково было учение Платона – сознательный рефлекс подвергает критике эти явления вещей и ищет таким образом того, что могло бы быть удержано чистым разумом, как его предмет; то отсюда происходит познание самой сущности вещей»¹². В этом и заключается одна половина метафизики Юркевича. Другая сложилась под влиянием Лейбница и состоит в убеждении, что «идея понимается нами, как разумная и единичная сущности вещи»¹³, поэтому, мир является, по Юркевичу, как и по Лейбницу, универсальной организацией метафизических единиц («монады» Лейбница). Киреевский и Хомяков сочетают воедино Канта, Гегеля и Шеллинга последнего периода с национально-православной мистикой, и отсюда получают их «новые начала для философии». Не будучи ни в каком отношении действительно «новыми», они кажутся таковыми, во первых, вследствие убеждения их авторов в их новизне; затем, ввиду их крайней суммарности и расплывчатости, в которой стираются определенные очертания их образцов, давая тем впечатление чего то нового, а на самом деле – неопределенного; и наконец – под влиянием их литературного и страстного изложения и некоторых, придуманных славянофилами выражений, вроде «цельное мышление» и т.п. В действительности, славянофилы зависят от своих западных учителей гораздо больше, чем, например, Гогоцкий и Юркевич, имевшие, однако, скромность и такт не объявлять своих подновленных взглядов «новыми началами для философии». Даже примесь восточно-православной мистики к основному западному «корпусу» их мировоззрения не носила самостоятельного характера, так как это было предвосхищено уже «положительной философией» Шеллинга, не имевшего, правда, ввиду ка-

¹⁰ Хотя и ссылается только на Канта, которому приписывает мысли гегельянского оттенка.

¹¹ См.: Гогоцкий С.С. Критический взгляд на философию Канта. Киев: Типография И. Вальнера. 1847. С. 33–44. С. 50 и след.

¹² См.: Юркевич П.Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // Московские Университетские известия. 1865. № 5. М.: в Университетской типографии, 1866. С. 385.

¹³ См.: Юркевич П.Д. Идея // Журнал министерства народного просвещения. 1859. Ч. CIV. Отд. II. С. 123. (Отд. оттиск, С. 72) (Точная ссылка на ЖМНП восстановлена. – прим. ред.)

техизиса Филарета, но достаточно близкого к нему с своим реставрированным католицизмом. Неоригинальный характер славянофильского мирозерцания особенно ярко сказался в манере изложения славянофилов: здесь все действительно философское, исчерпывается изложением чужих взглядов с выражением одобрения или порицания, а «положительная» сторона ограничивается мечтательно-поэтическими пожеланиями и вещаниями, из которых, может быть и можно построить философию (как и пытались сделать современные славянофилы), но в которых ее нет: философия требует метода, доказательств и содержания, а не красноречивых декретов о том, что угодно тому или другому литератору, чем как раз злоупотребляют славянофилы.

Близок к славянофилам, по своему отношению к западным влияниям, и Троицкий. Он, правда, считал философию Фихте, Шеллинга и Гегеля «патентованной чепухой» и находил спасительным только английский эмпиризм, которого, как тоже своего рода «патентованной чепухи», не признавали за истину славянофилы: но к английским эмпиристам они относятся так же подчиненно, как славянофилы к немецким идеалистам, – с той только разницею, что обнаружил эту подчиненность со всею добросовестностью трудолюбивого «семинариста» и никогда не выдавал своих заимствованных взглядов за «новые начала». Цитировать Троицкого, по его главному сочинению 60-х годов, невозможно: он согласен в самом существенном со всеми английскими эмпиристами, которых излагает, поправляя иногда одного с помощью другого. – Нескольким независимее Троицкого – Лавров, этот странный ум, призвание которого так и не определилось в течение 40 с лишним лет его деятельности. В его мировоззрении скрестилось множество влияний, друг другу противоречащих и одни другие обессиливающих. Тут и Декарт, и Кант, и английский эмпиризм, и Гегель, и Фейербах, и Конт и многие другие. В 60-х годах он шел от гегельянства к позитивизму и кончил «антропологизмом», – философией не столь определенной, сколь вместительной: она соединяет требования гегельянства с методами позитивизма, не выполняя первых и не применяя на деле вторых. Даже в своих частностях она представляется если и не эклектизмом, как выразился еще в 60-х гг. критик Лаврова, Антонович, то очень неоригинальной. Кое-что новое встречается только в некоторых этических взглядах Лаврова. Постольку он подходил бы отчасти и к группе мыслителей, относительно более независимых от западных философских влияний.

Эта немногочисленная группа почти вся состояла из очень талантливых людей, оставивших заметных след и в других областях культуры, кроме философии. Экономические заслуги Чернышевского, филологические – Потемни, физиологические – Сеченова общепризнанны. Вероятно эта талантливость и

дала им возможность сохранить некоторую умственную самостоятельность в философии.

Верный последователь Фейербаха, Чернышевский не ограничился, однако, легким пересказыванием идей немецкого философа. Он делал и это, – таково содержание его «Антропологического принципа в философии», столько нашумевшего в свое время. Но он сделал нечто большее: приняв за основу философию Фейербаха, Чернышевский попытался развить ее принципы в специальной области эстетики, чего сам Фейербах не сделал. Эту работу¹⁴ Чернышевский выполнил образцово и очень самостоятельно. Степень его самостоятельности хорошо иллюстрируется методом, примененным им при этом. Он мог бы ограничиться простой дедукцией эстетики из принципов Фейербаха, – делом совершенно ученическим. Вместо того, Чернышевский предпринял конкретный анализ эстетического материала, обнаружив большое умение разбираться в нем и освещать его в духе Фейербаха. Это более трудный путь, требующий не только логической последовательности, но и некоторой инициативы мышления, всегда предполагающей его независимость.

Читая этот труд Чернышевского, и по сие время чувствуешь умственную радость, сопровождающую обычно раскрытие, расширение духовного горизонта. – Того же типа и мышление другого последователя Фейербаха, Страхова. Фейербах не был единственным его вдохновителем: тут еще Кант и Гегель, но влияние Фейербаха доминировало. Страхов, подобно Чернышевскому, не ограничился переложением идей Фейербаха, а применил и самостоятельно развил их на обширном материале естествознания, с которым он был превосходно знаком. Результатом этого явился ряд статей 1858–66 гг., собранных затем вместе и отпечатанных в 1872 году в виде книги: «Мир, как целое». Это одна из лучших русских книг по философии. Мастерское изложение, живость и остроумие мысли состязаются в ней с богатым знанием фактов и умением осветить их ярко с самой неожиданной и оригинальной стороны. Страхов не боится самых непопулярных по тому времени выводов. Его защита центрального положения человека во вселенной, доказательство того, что в мире нет и не может быть ничего выше и совершеннее человека, анализ строения органических существ, критика атомизма и материализма – все это изобилует множеством новых мыслей, остроумных сближений и сопоставлений. Недостатком книги, отчасти объясняемым разновременностью ее частей, является некоторая шаткость и валкость основных взглядов Страхова. Но и это как-то странно красит

---

¹⁴ См.: Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в X т. Т. X. Ч. II. Отдельные статьи (1849–1863). Статьи последнего времени (1885–1889). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1906.: С. 84–164. (Библиографическое описание восстановлено. – прим. ред.).

ее, часто меняя ее перспективы и распределение в них света и теней. В этом чувствуется биение живой мысли, ищущей самостоятельных путей, хотя и сбивающейся с такта ввиду новизны дела. Впоследствии Страхов как бы закоренел в состоянии неустойчивого равновесия идей, сбивавшемся почти на беспринципность, и это было уродливым «инфантилизмом» его зрелых лет. Но в молодости, с ее нормальным «инфантилизмом», это было хорошей чертой, потому что обнаруживало относительную несвязанность мысли. – Еще с большею независимостью относился к своим западным учителям Потебня, человек огромных дарований и превосходно дисциплинированного ума. Следуя в философии за Кантом и Гумбольдтом (а через него и за Гегелем), а также за Лотце, Потебня был очень осторожен в своих заимствованиях и старался ограничить их лишь тем, что казалось ему строго необходимым для его научных исследований¹⁵. Уже это обнаруживает в нем ум независимый. Но, конечно, всего ярче сказалась у него эта независимость в умении, исходя из взглядов своих учителей, применить их к новым фактическим данным и развить из них следствия, сами по себе не очевидные. Этими качествами в высокой степени отличается труд молодости Потебни, его классическая книга «Мысль и язык» (1862 г.). Лишенный правильного философского образования, каким обладали Чернышевский, Страхов и Потебня, знаменитый физиолог Сеченов был больше их подвержен западно-европейским философским влияниям материалистического направления, которые, выдавая себя за последнее слово естествознания, много говорили сердцу нашего натуралиста. Но от рабского усвоения вульгарного материализма Сеченова выручил его крупный талант первоклассного ученого. Там, где иной на его месте ограничился бы слепым повторением, кстати и некстати, материалистической догмы (явление, нередкое между натуралистами, особенно в 50–60-х годах), Сеченов увидел вопрос нервной физиологии человека, который можно поставить на научную почву, и отсюда возникла его известная книга «Рефлексы головного мозга»; ставшая в 60–70-х годах «катехизисом материализма» в России. Некритически воспринятая материалистическая догма переработалась у него в научную проблему постановка и разрешение которой потребовали от него самостоятельных усилий мысли, считающейся уже не с догмой, а с существом дела. – Наряду с Чернышевским, Страховым, Потебней и Сеченовым мы называли выше Владиславлева, как обладавшего, отчасти, независимостью от своих западных учителей. Это требует оговорки.

В своей книге «Современные направления в науке о душе» (1866) Владиславлев проявил себя только, как хороший ученик своих западных учителей, особенно – Лотце. Зато в позднейшей книге о Плотине, вышедшей в конце 60-х

---

¹⁵ См.: Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков: Тип-фия. «Мирный труд», 1913. С. 32–35.

годов, он обнаружил больше самостоятельности, дав вполне зрелое и независимое изложение и анализ этого представителя александрийского неоплатонизма. Свое умение мыслить независимо он доказал, впрочем, больше в своей двухтомной «Психологии», напечатанной в начале 80-х годов, но в основе своей восходящей еще к 60-м годам. Здесь Владиславлев является мастером психологического анализа и описания, умеющим самостоятельно всматриваться в факты. Кроме того, он выступил в этом сочинении с гипотезой распространения закона Вебера-Фехнера не только на связь между физиологическими раздражениями и психическими ощущениями, но и на отношения между чисто-психическими возбудителями и вызываемыми ими психическими реакциями. О ценности этой мысли можно быть разного мнения, но она представляет несомненное доказательство способности Владиславлева продолжать, а не только копировать идеи таких своих учителей, как Фехнер.

Если уже мыслители 50–60-х гг., несмотря на трудности, вытекавшие из особенностей их социологического типа, умели проявить некоторую независимость по отношению к западным влияниям, то можно ожидать, что с рождением нового типа деятелей, более специализированных и способных к большему сосредоточению мысли на философских вопросах, эта относительная независимость мышления от влияний должна была все возрасти и окрепнуть. История русской философии последующих десятилетий, вплоть до нашего, могла бы подтвердить это ожидание, показав в то же время, что «дух рабского, слепого подражания» далеко не исчез и в наши дни, так что, развивая дальше положительные стороны мышления шестидесятников в философии, мы не сумели еще отделаться от этого его недостатка.